

ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ

От редакции:

Цель преподавания любого предмета триедина. Сначала ученикам нужно дать понятия, раскрывающие суть предмета, затем научить их грамотно ими пользоваться и, наконец, творчески применять полученные знания. Стандартные методики обучения позволяют достигать хороших результатов на втором этапе. А чтобы достичь большего, нужно применять нестандартный подход к форме и сути обучения. Научить творчески мыслить невероятно сложно (не говоря уже о том, что **научить** вообще невозможно: можно лишь **показать, чему** — при желании и интересе — можно **научиться**). Авторы материалов, которые мы начинаем публиковать, сделали попытку поделиться своим опытом, давшим в своё время значительные результаты.

УДК 371.38+372.881.111.1

Шульман Г. А., Кишко С. Б.

О ШКОЛЬНОМ КЛУБЕ АНГЛИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Авторы делятся опытом ведения Клуба английской и американской поэзии в средней школе как об одном из удачных примеров внеклассной работы, оживляющей рутинный процесс школьного образования. То, что Клуб жил и работал девять лет, говорит само о себе.

Ключевые слова: поэзия, перевод, творчество, обучение.

В 1980–89 гг. в 32-й («английской») средней школе г. Киева работал Клуб английской и американской поэзии. Руководили Клубом на общественных началах учительница английского языка Светлана Борисовна Кишко и Григорий Александрович Шульман, дети которого учились в этой школе.

Интересно и необычно было всё: возникновение идеи, её нелёгкое осуществление, то, что человек, никогда не писавший стихи и, тем более, никогда их не переводивший с других языков, вдруг занялся поэтическими переводами, и то, что дети приняли активное участие в этом процессе. Мы очень надеемся, что этот опыт, оказавшийся столь удачным, пригодится кому-нибудь из ищущих людей, которых много в педагогической среде.

Г. А. Обычно класс в такой школе разбивался на три группы по 8-10 учеников, с каждой из которых работал свой преподаватель. Так получилось, что за два года в группе, в которой занимался мой сын, сменилось 12 (двенадцать!) учителей. Естественно, тринадцатая (С. Б.) пришла на пепелище. Вечером сын рассказал мне о... м-м-м... несколько необычном, так скажем, появлении С. Б. на уроке, и я подумал, что с **этой** учительницей нужно познакомиться. В процессе беседы возникла мысль о необходимости каких-нибудь нестандартных и неожиданных для учеников деяний, чтобы хоть как-нибудь пробудить у детей интерес к языку. Я предложил С. Б. подобрать несколько стихотворений английских поэтов с переводами их на русский язык и провести что-то вроде вечера поэзии. Я пообещал помочь ребятам с декламацией. С. Б. оживилась: *«Вы знаете язык?!»* — *«Н-ну-у, на такое утверждение я бы, пожалуй, и не отважился, но декламацией когда-то, в школьные годы, занимался серьёзно...»*... И уехал в командировку «на три дня». Когда я вернулся через... ТРИДЦАТЬ, сын попросил меня посмотреть: *«...что-то вот тут не получается...»*...

Оказалось, что С. Б. пошла гораздо дальше согласованной идеи: однажды она принесла на урок несколько стихотворений английских и американских поэтов и подробные подстрочники к ним на русском языке. Перевести стихи С. Б. предложила ученикам, заметив при этом: *«Переводы не ищите, я, во всяком случае, не нашла... Двойки я ставить не буду, а пятёрка ни-*

кому из вас не помешает!». Рискнули попробовать всего два ученика из группы — мой сын и одна из его соучениц.

...Я переставил два слова, и строка «заиграла». Тогда я попробовал перевести всё стихотворение. Это был Р. Л. Стивенсон — «Куда плывут кораблики». Часть перевода совпала с вариантом сына:

Robert Louis Stivenson (1850-1894)

Where Go the Boats?

Dark is the river,
Golden is the sand.
It flows along forever
With trees on either hand.
 Green leaves a-floating,
 Castles of the foam,
 Boats of mine a-boating —
 When will all come home?
On goes the river
And out past the mill,
Away down the valley,
And down the hill.
 Away down the river,
 A hundred miles or more,
 And other little children
 Shall bring my boat ashore.

Роберт Льюис Стивенсон

Куда плывут кораблики

Таинственны темные волны.
Пляжей песок золотой.
Каждую осень им дарят убор свой
Деревья, склонясь над водой.
 Опавших листьев компании,
 Плавучие замки пены...
 Каравеллы моих скитаний,
 Когда вы вернетесь домой?
Несет свои воды река
Мимо мельницы, вдоль долины, —
Вот горы уж знакомой вершина
Чуть виднеется издалика.
 А река все дальше и дальше, —
 На сотню миль или более...
 Мне когда-нибудь маленький мальчик
 С в о й корабль принесет из школы.

(Перевод Г. А. Шульмана и А. Шульмана. Март 1980)

Потом были другие переводы, стихи для которых С. Б. передавала мне с сыном уже целенаправленно, каждый раз выискивая не переведённые на русский язык — это было моей просьбой-условием (сравнения с профессиональными переводчиками я всё-таки побаивался). Постепенно я, как и обещал, стал бывать в школе и работать с учениками этой группы.

В конце учебного года, во вторую субботу апреля, мы провели вечер английской и американской поэзии. Стихи по-английски и их переводы на русский читали все ученики группы. Вечер понравился всем — и ученикам, и гостям — в основном родителям этих учеников и самым близким друзьям.

С. Б. Первый состав кружка — восьмиклассники, с них все и началось. Следующие начинали с седьмого, а дальше — с четвертого класса. Они работали над детской поэзией и лимериками.

Первой и главной целью создания кружка (который потом превратился в Клуб) было пробудить неравнодушие и уважение к изучаемому предмету. Неожиданно для меня огромный интерес к занятиям в Клубе проявило подавляющее большинство моих учеников.

Занятия включали не только поэзию. Мы слушали музыку, слушали истории, навеянные прослушанными мелодиями, ходили в лес, на природу, устраивали выставки осенних даров.

Г. А.: На следующий год С. Б. получила в своё распоряжение уже целый класс — стала классным руководителем 9А класса.

Как правило, если в школах существовала параллель классов, то в класс «А» отбирались дети местной элиты (директоров предприятий, научных сотрудников и т. д.). Именно так было и в 9А. Детки в классе были «сильно себе на уме», класс распался на группы по два-три человека. Чтобы попытаться как-то сплотить класс, мы с С. Б. решили провести дневную вылазку в лес. Нам очень хотелось, чтобы с нами (мой сын и дочка и дочь С. Б.) пошли хотя бы один мальчик и хоть одна девочка, чтобы они смогли рассказать потом в классе о своих впечатлениях...

...На вокзал, к месту сбора, пришли... 22(!) ученика из 24-х (состав класса)! С нами был и один из родителей одного из учеников, — опытный турист. Его — уже в лесу — я и попросил принести воды. Он взял ведро и с несколькими мальчишками отправился по воду к колодцу, который, как мы с ним знали, находился примерно в полукилометре от места нашей стоянки. Тем временем С. Б. расстелила на траве длинную, в несколько метров, плёнку, покрыла её несколькими скатертями и разложила на скатерти какие-то бутерброды и что-то ещё. Постепенно начали распаковывать и выкладывать на рукотворную «скатерть-самобранку» свои припасы и дети. Развели костерок, чтобы вскипятить воду для чая. К тому моменту, когда часа через полтора вернулись наши «водоносы», на «скатерти-самобранке» было разложено трёхзначное число бутербродов, которые сообща (!) готовили ВСЕ девочки.

Колодца на месте не оказалось, и наша экспедиция всё это время искала воду. Вернулись они запыленными и исцарапанными, воды принесли не более полуведра, но зато с хвоей и какими-то щепками. Воду всё-таки было решено вскипятить. Были всякие вопросы и высказывания типа: «А у меня чай в термосе, зачем это ещё на костре варить?!». Но **какая** толпа окружила вскипевшее ведро с этой хвоей и этими щепками (хотя крупные мы, конечно, повывбрасывали), когда туда всыпали чай и дали ему настояться, когда запахло всем этим! Все напрочь забыли о своих термосах и сбежались к костру с кружками и чашками. Каждому досталось по полчашечки этого ароматнейшего (с дымком!) напитка.

...Не помню, что там было ещё — какие-то игры, просто валяние на траве...

Домой возвращалась уже ОДНА — ОБЩАЯ — компания, дружно оравшая на всю электричку гремевший тогда повсюду «Поворот» «Машины времени», сразу же ставший чуть ли не гимном этого родившегося в лесу сообщества.

...Подобные вылазки стали практически регулярными. (Кстати, этот класс периодически собирается до сих пор).

Вот теперь-то начал свою работу Кружок английской и американской поэзии, членами которого стали все 22 «туриста».

Каждую среду дома у кого-нибудь из членов Кружка из самой большой комнаты в квартире выносились лишняя мебель и проводилось очередное заседание Кружка. Программа заседаний обычно включала в себя доклад о жизни и творчестве того или иного английского или американского поэта (реже — писателя), подготовленный одним или двумя кружковцами, и иллюстрации — стихи или отрывки их произведений на английском и русском языках. Второй частью заседания был сладкий стол, причем покупать разрешалось только сахар и иногда какие-нибудь сладкие напитки и воду, всё остальное готовилось руками кружковцев.

...Как-то С. Б. попросила меня показать ребятам какие-нибудь черновики моих переводов, и я принёс на занятия 12 черновых вариантов перевода Раздумий Макбета из 5 акта трагедии. Ребята осмелели, и к очередному Празднику английской и американской поэзии у нас было уже **восемь** переводчиков!...

С. Б.: В работу кружка входило также изучение праздников англоязычных стран. В 1986 году четвертые и десятые классы провели Halloween, который они до сих пор вспоминают. Весь сценарий был замешан и построен на лимериках.

Ребята из выпусков 83-го и 87-го годов писали музыку и исполняли песни на стихи, в том числе и сонеты Шекспира, положенные на собственные мелодии.

Самостоятельная работа над переводами и анализ переводов Г. А. развивали у них чувство родного языка, они открывали богатство русского языка при подготовке к праздникам, когда трудились над каждой строкой перевода — своего или не своего. Мы часами учили их обращать внимание на нюансы значений и интонаций.

...Я долго и упорно работала с ученицей седьмого класса над стихотворением Уолтера де ла Мера. Ей никак не удавалось проникнуть в мир его тонкой материи. Вернулись мы к работе над этим стихотворением после очередного занятия кружка, на котором я прочла ученикам поэму Стивенсона «Вересковый мед». Произведение это, как известно, касается морально-этических проблем: патриотизма, преданности, верности, силы духа. Я планировала провести дискуссию на эти темы, но ребята были так потрясены услышанным, впечатление было таким

сильным, что дискуссия показалась мне излишней. А ученица, которой в течение нескольких недель не удавалось прочесть соответствующим образом стихи де ла Мера, вдруг прочла стихотворение так тонко, с такой эмоциональной глубиной, что ничего добавить было уже нельзя. Да и не нужно.

Г. А. Мы договорились, что на занятиях нет учителя, нет председателя родительского комитета, а есть совершенно равноправные участники **общего** дела. Поэтому дети чувствовали себя абсолютно раскованными, не стеснёнными никакой казённой субординацией, правда и без панибратства. Однажды мы с С. Б. более получаса, затаив дыхание, следили за яростной, «на полном серьёзе», дискуссией (восьмиклассников!) о том, может ли музыка быть Кумиром. Спор возник из-за двух первых строк моего перевода одного из стихотворений Эдны Сент-Винсент Миллей:

«Продлитесь музыки чудесной звуки,
Не покидай меня, о, мой Кумир...»

Edna St. Vincent Millay (1892–1950)

On Hearing a Symphony of Beethoven

Sweet sounds, oh, beautiful music, do not cease!
Reject me not into the world again.
With you alone is excellence and peace,
Mankind made plausible, his purpose plain.
Enchanted in your air benign and shrewd,
With limbs a-sprawl and empty faces pale,
The spiteful and the stingy and the rude
Sleep like the scullions in the fairy-tale.
This moment is the best the world can give:
The tranquil blossom on the tortured stem.
Reject me not, sweet sounds; oh, let me live,
Till Doom espy my towers and scatter them,
A city spell-bound under the aging sun.
Music my rampart, and my only one.

Эдна Сент-Винсент Миллей

После симфонии Бетховена

Продлитесь, музыки чудесной звуки!
Не возвращайте в Мир меня опять!
С тобой одной, сомкнувши крепко руки,
Все человечество смогло б себя понять,
Коль даже грубый, и скупой, и злой —
Едва лишь звуки эти станут слышны, —
Бледнеет, застывает неподвижно
И спит, во сне борясь с самим собой.
Ведь лучшее, что можно подарить
Измученной душе, — покоя миг!
Не покидай меня! Дай мне еще пожить,
Пока мой Рок не разглядел, что я воздвиг
Волшебный замок под стареющим Светилом
И не размел все, что душа еще хранила.

(Перевод¹ Г. Шульмана, 25.02.82, Саранск)

...А потом, уже со вторым составом Клуба, мы поставили сцены из «Пигмалиона» Бернарда Шоу. Спектакль шёл на русском языке, хотя дети спокойно могли вести его и по-английски — результат усилий С. Б. Интересным было и режиссёрское решение спектакля: сценический антураж — две пары стульев, накрытые брошенными на них двумя покрывалами, принесёнными С. Б. из дома, а перед каждой картиной, связывая все сцены в единое действие, выходил «лакей» и вывешивал на кулисах форматный лист ватмана с лаконично и скупко изображёнными на нём элементами следующей сцены. Так, перед началом спектакля возник лист с изображением косых струй дождя и корзинки с фиалками; перед сценой появления Хиггинса с Пиккерингом и Элизой на светском рауте — лист ватмана с изображёнными перчатками, переkreпченными тростью, а ниже — комнатными туфлями Хиггинса и т. д. Всё это происходило торжественно и в полном молчании.

Естественно, все эти плакаты-анонсы делали сами дети.

Роль Элизы Дулиттл блестяще исполнила именно та девочка, которой так долго не давалось стихотворение де ла Мера.

¹ Вариант перевода первых четырёх строк:

Продлитесь, музыки чудесной звуки, —
Не покидай меня, о, мой Кумир!
С тобой одной, сомкнувши крепко руки,
Смогли б мы от беды прикрыть весь мир...

Успех был совершенно оглушительным!

Раз в год проводился ставший традиционным вечер-праздник английской и американской поэзии, на который приглашались родители, друзья и знакомые.

Обычно всё это происходило в зале школьной столовой, вечером, при свечах (поэтому мы тянули время до наступления темноты). Все столы сдвигались в дальний от раздаточного окна конец зала, раздаточное окно чем-то завешивалось, и вокруг в самых невообразимых местах расставлялись и развешивались подсвечники с горящими свечами. Подсвечники — все разные — ребята приносили из дома — это тоже создавало свой колорит.

...Темнело всё больше, зал постепенно погружался в темноту, и освещённой свечами оставалась лишь передняя часть зала, образуя своего рода «сцену». На этой «сцене» устанавливался покрытый скатертью стол с букетом цветов, возле которого и становились исполнители.

К вечеру-празднику составлялась Программа, напечатанная потом на машинке, размноженная по количеству ожидаемых гостей на ксероксе и вклеиваемая в обложку из плотной цветной бумаги.

На внутренней — белой — стороне обложки двух экземпляров, помеченных буквами С. Б. и Г. А. и положенных на стол с букетом цветов, после концерта оставляли нам с С. Б. на память свои автографы — иногда с несколькими словами — ребята-исполнители программы. Программа вечера, включавшая 30-40 стихотворений, читавшихся в обязательном порядке по-английски и по-русски, тщательно продумывалась и состояла из двух отделений. Никаких объявлений типа «Начинаем...» не было. В какой-то момент начинало звучать «Адажио» Альбинони, зал затихал, и, когда смолкала музыка, к столу выходил первый чтец, и начиналось действо...

...А переводами я занимался по ночам и в командировках, если удавалось выкроить немного времени. С тех пор у меня сохранилось около ста моих переводов стихотворений 56-ти английских и американских поэтов XVI-XX столетий. Можно предположить, что многое сейчас перевелось бы иначе. Возможно, это и будет сделано когда-нибудь, но это будут уже иные переводы. А сейчас — то, что было когда-то, — как дань памяти и благодарности членам Кружка, которым нравились эти переводы и которые их читали на наших праздниках, — за то, что они им нравились, и за то, что они их читали.

(продолжение следует)